

**Наталья
Алфёрова**

**Лагерь,
в котором я
умерла**

Наталья Алфёрова

Лагерь, в котором я умерла

«Литнет»

2023

Алфёрова Н.

Лагерь, в котором я умерла / Н. Алфёрова — «Литнет», 2023

Год 1982. Лена Белкина заканчивает восьмой класс. За общественную работу её награждают путёвкой в пионерский лагерь «Звёздочка», где помимо обычной смены должна пройти учёба комсомольского актива. Домашнюю девочку, ни разу не отдыхавшую в лагере, захватывает, очаровывает непривычная атмосфера. Новые подруги, помощь вожатым, влюблённость в парня из отряда — романтика. Лена счастлива и не подозревает, с каким кошмаром ей предстоит встретиться здесь, на островке беззаботного пионерского детства. История в сеттинге романа Алексея Иванова «Пищеблок». Лагерь «Буревестник», описанный в «Пищеблоке» и один из второстепенных героев, вернее, упоминание о них, сыграют в данном повествовании свою роль.

© Алфёрова Н., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Восьмиклассница	9
Глава вторая. Дела семейные	12
Глава третья. Здравствуй, «Звёздочка»!	15
Глава четвёртая. Корпус-люкс	19
Глава пятая. Вожатым в помощь	22
Глава шестая. Игры, песни, комары	26
Глава седьмая. По порядку на зарядку	30
Глава восьмая. Операция «Фантик»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пролог

2023 год.

Степь пела. Стрекотание кузнечиков, шелест ветра в траве, шуршание шин и непонятные шорохи. Стоило слегка опустить стекло машины, как звуки ворвались в салон вместе с горячим ветром и запахом полыни. Этот запах напрочь перебил аромат кокосовой отдушки.

Муж глянул искоса, но промолчал. Он не понимал моего пристрастия к полыни и гвоздике, возникшего в далёкой юности. Я и не навязывала, лишь иногда, перед вечерними прогулками, наносила на одежду гвоздичное масло. Комаров отпугивало, но до одеколона «Гвоздика», того самого, в ребристом флаконе, с красной этикеткой, не дотягивало. Недавно наткнулась на такой в одном из Интернет-магазинчиков, в разделе «винтаж». Даже в корзину поместила и... передумала.

Вспомнилась мама. Она рассказывала, как в детстве любила жевать жмых. Во время нашей поездки в деревню нам дали попробовать это мамино лакомство. Такого разочарования, недоумения и даже обиды в мамином взгляде я не видела больше никогда.

За размышлениями чуть не просмотрела съезд на просёлочную дорогу. Еле успела поднять стекло до того, как машину заволокло пыльным облаком. Муж сжал губы, видно было, как он изо всех сил старается не засмеяться. Сказала на это:

— Да, степь люблю, но не до такой степени, чтобы дышать пылью вместо воздуха.

Мы всё же рассмеялись. Оба.

Идея рвануть на природу, как выразился муж, возникла спонтанно. Сын проводил выходные с семьёй на даче, дочь отдыхала на море, внуков не подкинули. Впервые за много времени мы остались вдвоём. Внушек-близняшек и внука обожаем, но заниматься с детьми в пятьдесят с хвостиком, совсем не то, что в двадцать пять.

— Куда поедem, Саша? — спросила я, когда муж заикнулся про активный отдых.

— На пляж около Звёздочки, там песок замечательный, клюёт хорошо, мужики на той неделе ездили на рыбалку. — Не заметив, как я вздрогнула и сжала подлокотник кресла при упоминании о давно заброшенном пионерском лагере, Саша продолжил развивать свою мысль: — Палатку поставим, лодку возьмём, удочки. Ты воду побаиваешься, будешь с берега рыбачить, я с лодки. Ушицы наварим, красота! Лен, ты что? Давление? Не молчи, Бельчонок.

Муж с перепугу моё детское прозвище вспомнил.

Наверное, я тогда сильно побледнела, да и лицо не смогла удержать. Прошрое ударило наотмашь чувством вины. Не спасло осознание того, что я действовала не по своей воле и всё испутила. Давно испутила. Пока Саша метнулся за тонометром и неумело принялся закреплять манжет на моём плече, сумела взять себя в руки. Под немного рваное жужжание аппарата мы внимательно смотрели на дисплей.

— Хоть в космос запускай, сто десять на семьдесят, — сказала я. — Устала немного, дежурство сложное выдалось, новые больные в отделение поступили.

— Возвращайся на участок, — посоветовал муж. — Знакомые говорили, тебя до сих пор там добрым словом вспоминают.

— Уже думала, сама скучаю, но не получится. Как я со своей хромой ногой по вызовам буду ходить?

— Вам же машину дают, — напомнил Саша и неожиданно предложил: — Может, совсем уволишься?

— Ну, во-первых, машина не летает, как в Гарри Потере, а у нас в основном пятиэтажки, лифтов нет. Во-вторых, жалко увольняться, работу свою люблю.

Этот разговор помог отвлечься от воспоминаний о прошлом, но внезапно заныла нога на месте давнего неправильно сросшегося перелома, памятка оттуда же, откуда и лагерь, и одеколон. Это определённо был знак.

— Всё, остаёмся дома, — решил Саша.

— Нет, мы поедём, — возразила я. Получилось немного резковато, но я просто боялась согласиться на ставшее заманчивым предложение мужа. Дело не в природе. Настала пора поставить точку в давней истории. Пройтись по заброшенному лагерю и своими глазами убедиться: прошлое осталось в прошлом.

И мы поехали. Но пришлось согласиться на требование мужа отправиться только после того, как хорошенько выспимся. Время подходило к полудню, когда в поле зрения появились «Звёздочка», вернее то, что осталось от лагеря, и сторожка на берегу Урала. Странное, конечно, расположение для дома сторожа, за территорией лагеря, через дорогу от центральных ворот. Странно, что подумала я об этом только сейчас. Но тогда я восприняла всё как должное, может потому, что до этого ни разу не отдыхала в пионерском лагере.

— Останови здесь, — попросила мужа, когда стали проезжать мимо ворот.

Саша остановился, но сказал:

— Немного осталось, Звёздочку обогнём, вот он и пляж.

— Хочу пройти по лагерю. Отдыхала здесь в восьмидесятых. Ностальгия, знаешь ли. С той стороны тоже есть проход к пляжу, — сказала я, выходя из машины.

Саша тоже вышел. Какое-то время мы, молча, разглядывали сохранившуюся створку ворот из металлических труб, проржавевших, с облупившейся краской. Название, в котором половина букв, тоже металлических, висела криво. Остатки ограды, проглядывающей кое-где сквозь заросли кустарника. Асфальт перед воротами, потрескавшийся, с проросшей в трещинах травой, но вполне целый. Такие же дорожки, ведущие на территорию.

— Надо же, как асфальт сохранился. Умели раньше делать. А сейчас нашлёпают, и на следующий год он со снегом растает, — прервал молчание муж.

— Тополя как выросли, — произнесла я, обнаружив, что кое-что тоже сохранилось.

Пирамидальные тополя, саженцы которых высадили в степных детских лагерях годах в семидесятых, прекрасно прижились в непривычном климате. Озеленение коснулось и «Звёздочки». Тополя свечками возвышались над карагачами. Молчаливые свидетели минувшего века и минувшей эпохи.

— Ты никогда не рассказывала, что в детстве в лагере была. Давай вместе быстренько пройдемся по заброшке, и отдохнуть, — предложил Саша.

— Хотелось бы одной. А пятнадцать лет не совсем детство. Старшеклассников собрали в дополнительный отряд, в корпусе отдельном поселили. Учёба комсомольского актива. Помощь вожатым тоже в эту учёбу входила, ну и море других интересных мероприятий, это помимо общих лагерных, — сказала я, невольно улыбнувшись.

— Хорошо же ты отдохнула, если всегда была категорически против того, чтобы детей в лагерь отправить, — усмехнулся муж и осекся, посмотрев на моё лицо. Сама почувствовала, как сползла улыбка, и словно закаменели мышцы.

— Ладно, Лена, если нужно, иди одна. Я пока палатку поставлю. Не заблудишься? — спросил он.

Я помотала отрицательно головой.

— Жди на берегу, — и выдавила улыбку. Получилась похожей на настоящую.

Саша уехал, а я ещё немного постояла перед воротами. Только решилась сделать шаг, как заметила боковым зрением движение внизу справа. Повернув голову, увидела чёрную гадюку. Змея, извиваясь, ползла вдоль ворот.

Я встала, ожидая, пока переползёт. Особо не испугалась, видела в жизни вещи пострашнее змей.

Обернулась на сторожку. Дом с отсутствующими стёклами в окнах, покосившимся крыльцом, наполовину разрушенной крышей, и переживший лагерь на десять лет, выглядел не намного лучше. Не помню, какому заводу принадлежала «Звёздочка», но после закрытия, лагерь наверняка хотели восстановить. Не зря же наняли многодетного алкаша для охраны и поселили в сторожке. Вдали от города, без условий, но зато с телефоном. Кабель-то от лагеря остался. Роскошь для отдалённых посёлков в те времена.

Бедные коллеги из детской поликлиники, которых постоянно по этому телефону вызывали. Детей много, болели часто. Врачам приходилось откладывать остальные вызова и ехать двадцать километров по бездорожью. По одной не заходили, или медсестру брали, или водителя с монтировкой. Криминала с этой сторожкой тоже хватало, гостили здесь то наркоши, то алкаши.

В памяти всплыл рассказ подруги, как заходит она в дом, а на полу сидят шесть полураздетых ребятишек вокруг старой табуретки. На табуретке большая сковородка с яичницей. И едят дети кто вилкой, кто руками. Морально тяжело такое видеть, и ничего не сделаешь, службы опеки в том виде, что сейчас, тогда не было. Неизвестно, чем бы всё закончилось, но сторож по пьяному делу зимой замёрз насмерть. Семья его куда-то съехала, дом остался заброшен. У сторожки своя, чужая история, мне не нужно туда идти.

Глазами нашла место чуть ближе к реке, где раньше стоял сарай. Высокая трава, тальник, ничего странного, сарай сгорел дотла ещё тогда в восемьдесят втором. Зажмурилась и увидела как наяву, полыхающий огромный факел. Показалось, слегка потянуло запахом гари. Хотя нет, не показалось. Открыв глаза, увидела далеко на горизонте столб наполовину рассеявшегося дыма. Опять где-то степь горит. Потушат, пожарные у нас привычные.

Вновь повернулась к лагерю. Змеи и след простыл. «Хватит тянуть», — сказала себе и шагнула в ворота.

Сделала несколько шагов и остановилась, услышав скрип. Единственная створка закрылась за моей спиной. Усилив воли, подавив панику, двинулась дальше. Слева и справа обнаружила заросшие травой фундаменты от столовой и дома директора лагеря. А вот чуть дальше — остов сцены и несколько уцелевших деревянных скамеек. Дерево оказалось прочнее камня? Захотелось подойти ближе, я уже повернулась, но вовремя вспомнила о змее. Тропинка к летней сцене заросла полностью. Если туда идти, то в сапогах по колено, а никак не в босоножках.

Двинулась по дорожке по направлению к корпусам. По одну сторону пионерская, один фундамент, по другую остатки корпусов, где селили младшие отряды, то же самое. Домик для персонала разрушился до половины. Не удержавшись, заглянула внутрь: мусор, старая листва, ветки, обломки кирпичей. Не только тополя, но и другие деревья и кустарники разрослись, мешая обзору.

Неожиданно вновь заболела нога, заставляя хромать. Все звуки стихли, только шорох асфальтовой крошки под моими шагами. Днём, во время самого пекла так бывает, но всё равно стало немного жутковато. Осторожно огибая ветки, свернула на нужную дорожку и замерла.

Наш корпус сохранился лучше остальных, даже крыша, местами проваленная, осталась. Только половина, на которой жили мальчишки, оказалась вся в саже. Соседний корпус представлял собой пепелище. Единственная уцелевшая стена медпункта, когда-то белая, тоже стала закопчённой. Обгорела нижняя часть стволов нескольких тополей. Похоже, бушевавший в степи и в лесополосе несколько лет назад пожар, для тушения которого привлекалась авиация, краем затронул и этот лагерь.

Входили в корпус с торцов, а между половинами была стена, через которую мы переступивались с парнями. Ноги сами понесли к входу, даже боль отступила, позволяя переступить через порог и шагнуть в широкий проём. Почему-то удивила пустота, хотя даже если что-то и оставалось в лагере, столы, панцирные железные кровати, всё давным-давно растащили. Ведь даже целого кирпича не имелось ни одного. Деревянный пол не сохранился, как и разделяющая

половины стена. Корпус просматривался насквозь до второго входа-проёма. Части крыши не было и заливавшее небольшой участок солнце мешало разглядеть ту часть. Внезапно на землю у проёма упала тень, кто-то приближался к входу. Тень, не похожая на человеческую.

Я прошептала:

— Нет, ты не мог выжить, — и развернулась, чтобы бежать.

Но нога подвела, я рухнула на колени, чувствуя, как темнеет в глазах и останавливается сердце. Как тогда, больше сорока лет назад, когда я умерла в этом лагере.

Глава первая. Восьмиклассница

1982 год.

— Белка, дай домашку списать!

Сделала вид, что не слышу, вынимая из портфеля учебник, тетради, пенал. Сзади сильно дёрнули за ляжку фартука. Такое игнорировать уже не получилось, обернулась.

— Дубинин, трудно за восемь лет запомнить, что моя фамилия Белкина?

— Да хоть Зайкина! — выпалил Димка Дубинин, по совместительству вечная головная боль учителей и особенно директора. — Дай, не ломайся.

— У своей девушки так просить будешь.

— Да ты борзеешь, подруга, — беззлобно произнёс Димка.

— А что? Тебе можно, а мне нельзя?

— Мне можно, я двоечник, а ты у нас спортсменка, комсомолка, активистка. — Димка довольно похоже изобразил кавказский акцент и добавил уже нормально: — Дай. Конец года, а у меня завал с оценками. Ещё к экзамену не допустят.

— На, достал. — Я протянула Димке тетрадь по геометрии. — Там много, до звонка успеешь?

— Будь спок, начальник, — отозвался Димка, доставая линейку с карандашом.

Я отвернулась и раскрыла записную книжку. С утра не оставляла мысль, что что-то забыла. Уроки все выучила, может, общественные дела? Так, предчувствия меня не обманули. «Зайти к Аллочке». Запись сразу после пометки «радиорубка».

Аллочка, новая старшая пионервожатая пришла в нашу школу в начале этого учебного года. Свои обязанности она стала выполнять с невероятным энтузиазмом. Учителя удивились, старшеклассники порадовались, что уже комсомольцы. Пионеры... А что пионеры? Они по определению всегда готовы, вот только мимо пионерской комнаты на первом этаже старались пройти на цыпочках. Раньше так двоечники и опоздавшие только мимо кабинета директора пробирались. И в том, и в другом случае помогало не всегда.

Даже сбор макулатуры за первое полугодие Аллочка провела три раза. Перед третьим она придумала, что за художественную литературу вес принесённой пионером бумаги будет засчитываться в двойном размере. Дело пошло веселее, линии в графике сдачи поползли вверх, но всё испортили добросовестные пятиклашки. Сразу несколько из них притащили собрания сочинений классиков, приобретённые родителями по подписке, а ещё один приволок несколько монографий дедушки учёного.

Разразился скандал. Книги вернули владельцам, Аллочке поставили на вид. Она немного успокоилась, но после нового года вспомнила о существовании школьного комитета комсомола. А кто поможет пионерам готовиться к встрече знаменательной даты — шестидесятилетия пионерской организации — как не старшие товарищи?

Мне досталась подготовка третьеклашек к вступлению в пионеры. Получилось на удивление легко. Дети, раскрыв рты, слушали мои рассказы о становлении пионерской организации, о подвигах пионеров-героев. Мы вместе разучивали клятву пионера Советского Союза. На торжественной межшкольной линейке, двадцать второго апреля, в день рождения Ленина, мои произнесли эту клятву лучше всех! Я тогда чуть не прослезилась, глядя на нарядных девочек в белых фартуках, с бантами в волосах, на мальчишек в белых рубашках, на красные галстуки, которые мы им повязали.

Тогда я впервые подумала, что может, моё призвание быть учителем, а не детским врачом, как мечтала раньше. Третьеклашки до сих пор подбегали ко мне, как только видели, обнимали и выкладывали все свои новости. Нет, наверное, буду учителем. Из задумчивости меня резко вытряхнул рывок за многострадальный фартук.

— Белка, держи, спасибо!

Я повернулась, выхватила тетрадку из рук довольного Димки, но не шлёпнула его этой тетрадкой по макушке, как хотелось, а сказала:

— Повторяю для тех, кто в танке: моя фамилия Белкина. Я же тебя Дубина не называю.

— Э, мою фамилию не трогай, может она ещё твоей будет. Братеньник из армии письмо прислал, о тебе спрашивает, привет передаёт, — сказал Димка и, заметив мою улыбку, его брат мне был очень симпатичен, поспешил добавить: — Не понимаю, конечно, что он в тебе нашёл. Эй, не дерись!

По макушке я его всё-таки огрела. В класс стали заходить одноклассники, а со звонком вошла и учительница. Математичка у нас дама строгая, мы тут же уgomонились, прекратили разборки и встали, приветствуя её.

У Дубинина определённо имелось чутьё. Первым к доске вызвали именно его. Списал он у меня качественно, пока списывал и срисовывал, кое-что усвоил, поэтому получил четвёрку. Этой оценке он сам удивился куда больше учителя.

На следующей перемене меня охватило чувство дежавю. Ко мне вновь подошёл Дубинин.

— Лена, дай контурные карты по географии срисовать.

Судя по обращению, дела с географией у Димки обстояли ещё хуже, чем с геометрией. Молча, полезла в портфель.

— Леноч, не страдай так, скоро отмучаешься, я после восьмого в каблук свалю, всё будет ништяк в натуре, — среагировал Димка на мой мученический вид. И ведь не глупый пацан, если хоть чуточку бы постарался, смог бы и в техникум пойти, а так действительно только ПТУ.

На географии Димку не спросили. Спросили меня, но перед этим попросили всех сдать контурные карты. Географичка постоянно меня вызывала первой, подозреваю, так она давала возможность другим хотя бы заглянуть в учебник. Откровенным двоечникам она о том, что собирается их вызывать, сообщала накануне.

Мой родной восьмой «А» был слабоват в учёбе — из тридцати трёх человек я единственная отличница и восемь хорошистов, остальные троечники. Зато брали другим: активным участием в смотрах, спортивных соревнованиях, субботниках и генеральных уборках.

После уроков мы дружно и шумно спустились на первый этаж. Все направились налево к раздевалке, май выдался прохладным, а я потопала направо, к пионерской. Сказала подружкам, чтобы не ждали, шли домой.

— Опять заседать будете? — спросила Инка.

— Смотри, получится, как у Маяковского в Прозаседавшихся, — поддакнула Наташа.

Ну не нахалки? Сами меня в комитет комсомола выбрали, а теперь издеваются. Помахала девчонкам ручкой и пошла дальше. Около пионерской охватило желание встать на цыпочки и прокрасться мимо, но привычка держать слово, а я пообещала Аллочке зайти, перевесила.

В пионерской несколько ребят рисовали плакат. Аллочка обрадовалась моему приходу.

— Белкина, молодец, что зашла. Завтра мы проводим конкурс стихов, посвящённый знаменательной дате, ты в жюри. Вот список участников, напротив название произведения и автор, а вот в этой табличке будешь ставить оценку. Конкурс после пятого урока, с физики я тебя отпросила, — выпалила Аллочка, всучила мне список и вернулась к юным художникам. Я, довольная, что легко отделалась, выскочила из пионерской, пока ещё чем-нибудь не нагрузили.

Пока шла до радиорубки, где и должно было состояться заседание школьного комитета комсомола, пробежала список глазами. Хорошие стихи выбрали, с удовольствием слушаю: Симонов, Багрицкий, Маяковский, Рождественский.

— Лена, ты на заседание? — раздался сзади голос нашего школьного комсорга. Игорь из десятого очень целеустремлённый, правильный и ответственный. Казалось, зачем так стараться, ведь он вот-вот выпустится? Игорь подхватил меня под руку и повёл, по пути расска-

зывая, что нам нужно будет провести в классах политинформацию об идущем сейчас девятнадцатом съезде ВЛКСМ.

Остальные уже собрались. Вряд ли кто, что подумал, когда мы появились вдвоём и под ручку. У Игоря в принципе такая привычка, подхватывать под руку любого, кто ему в данный момент нужен. Так что внимания на нас не обратили. Танюшка из девятого не перестала напевать песенку, что-то типа: «У тебя по географии тройка, но мне всё равно. У-у-у, восьмиклассница».

— Новая песня группы Кино, — объяснила она нам.

Игорь поджал губы и заметил:

— Я слушал их альбом. По-моему, рок несовместим с советской идеологией. Не советую.

Нет, каков жук, у самого есть альбом, а как нам, так «не советую». Устроившись рядом с Танюшкой, я шёпотом попросила:

— Дашь послушать?

— У меня только на бобинах, — ответила она.

— Пойдёт, у меня тоже магнитофон не кассетный.

— Пожалуйста, успокойтесь, — попросил Игорь, болтали не только мы с Танюшкой. Мы затихли, но развить мысль нашему комсоргу не дали. В радиорубку, отданную нам для заседаний, заглянула завуч. Кивнув на приветствие, она нашла взглядом меня.

— Белкина, хорошо, что ты здесь. Тебя наградили бесплатной путёвкой в лагерь Звёздочка. Смена с двадцать восьмого июня, во время неё проведётся учёба комсомольского актива. Когда здесь закончите, зайди к секретарю, она уточнит твои данные.

Завуч вышла, а меня принялись поздравлять. Оказывается, наши попадали в такие смены, и им очень понравилось.

— Везёт тебе, — протянула Танюшка и пропела: — Восьмиклассница, у-у-у.

А я немного растерялась. Никогда не была в пионерском лагере, хотя путёвки на работе родителей давали. Но как-то так получалось, что летом мы всей семьёй то к морю ездили, то к родне. Когда предки отправлялись отдыхать вдвоём, я оставалась с бабушкой. Недавно папе выделили земельный участок, теперь у нас там огород и небольшая дача, скучать летом не приходится. Но после восторженных отзывов наших комсомольских активистов мне очень захотелось поехать в лагерь. Очень. Оставалось только уговорить родителей.

Глава вторая. Дела семейные

Речь нашего комсорга я слушала вполуха, раздумывая, какие аргументы использовать для убеждения мамы. Если она согласится, отпустить меня в лагерь, папа возражать не будет. Бабушка так и вовсе поддержит, она всегда на моей стороне, хотя это, по словам предков не педагогично.

— Иди уже к секретарю, толку от тебя сейчас никакого, — сказал Игорь, не выдержавший моего невнимания.

У секретаря я долго не задержалась, подтвердила свои данные и продиктовала номер домашнего телефона, установленного недавно. Выходила из приёмной под стрекот печатной машинки. Скорее всего, мой приход отвлек секретаря от дел, и теперь она навестывала упущенное.

Около раздевалки сидела тётя Дуся, наша техничка, приглядывавшая за вещами, когда гардеробщица уходила, и разгадывала кроссворд.

— Река в Африке из трёх букв? — спросила она на моё приветствие.

— Нил, — ответила машинально.

— Подходит. Значит, по горизонтали точно насос, — пробормотала тётя Дуся, вписывая подсказанное слово.

Я сняла с крючка сиротливо висевшую куртку, мешок с обувью и направилась к подоконнику около входа, одеваться.

— Застегнись, — посоветовала тётя Дуся и проворчала: — Ходят нарасхлебень в такую холодрыгу.

Куртку застегнула, похоже, погода и впрямь не весенняя. Стёкла слегка дребезжали от порывистого ветра. Почему-то все взрослые, которых знаю, стремятся проявить обо мне заботу. Родные — понятно, а все остальные почему? Наверное, виной мой небольшой рост, вон третьеклашки и те скоро обгонят. Эх, каблуки бы! Но наша завуч относилась к обуви на высоком каблуке у учениц отрицательно. Могла на школьную дискотеку не пустить, заставив переобуваться. А если ещё с косметикой, по её мнению, перебор, пиши, пропало. В лучшем случае умываться отправляла, в худшем ещё и читала нотацию минут на двадцать на тему, как должны выглядеть советские школьники.

Ветер разыгрался сильный, он гнул деревья, а прохожих заставлял наклоняться в сопротивлении, если дул в лицо, или бежать, если в спину. Я бежала, с трудом удерживая мешок со сменкой, который ветер так и норовил вырвать из рук. Зато добралась быстро. Завернув за угол дома, немного расслабилась. Четыре пятиэтажки, стоящие квадратом образовывали относительно закрытый от ветров двор. Я скинула капюшон и вздрогнула от мужского голоса:

— Это ещё что за девчуля? Почему раньше не видел?

Повернувшись на голос, обнаружила сидящих на корточках около первого подъезда ништяков, местную шпану. Ништяки носили мохеровые кепки, войлочные боты «прощай молодость», присаживались на корточки покурить или «побазарить», и держали в страхе весь город. Хотя в своём районе никого не трогали. Негласное правило, не относящееся к чужакам и к парням в фирменной джинсе и с длинными волосами.

Вопрос адресовался не мне, а приятелям. Один из них и ответил:

— Да ты чо, в натуре? Это ж Белка из соседнего с тобой подъезда.

Остальные заржали. Долговязый парень, даже на корточках возвышавшийся над остальными и странно державший бычок, между большим и указательным пальцем, сказал:

— Да ладно? Она ж была во, — и показал рукой расстояние в полметра от земли.

— Так пока ты, в натуре, трёху отмотал, много чо поменялось, — ответил кто-то.

Я уже не видела, кто именно, шагала к своему пятому подъезду. Внутри всё кипело от возмущения: и эти туда же — Белка. И это не Дубинин, по макушке не огреешь. Димка Дубинин частенько косил под ништяка, переняв походку вразвалочку и словечки. Он даже пробовал приучить друганов курить за углом школы, сидя на корточках. Не получилось, ведь наша завуч, частенько курильщиков гоняла. А убегать лучше из положения стоя.

Пока я дошла до четвёртого этажа, успокоилась. В конце концов, моё прозвище ещё не самый плохой вариант. Дверь открыла своим ключом, мама могла отдыхать после ночной смены. Скинув куртку и туфли, на цыпочках прошла мимо спальни родителей. Из-за закрытой двери в зал, через который можно было пройти в нашу с бабушкой комнату, донёсся звук работающего телевизора.

Я, стараясь не шуметь, открыла дверь. Бабушка сидела в кресле перед телевизором и вязала пуховый платок. Мама, а она вовсе не спала, стояла рядом с распахнутыми дверками серванта и перемывала выгруженную оттуда посуду. Нет, пыль мы часто протирали, но вот так: с мытьём хрустали, сервизов, стеклянных полок и чисткой задней зеркальной стенки — убирались несколько раз в год перед большими праздниками.

— В честь чего генералим? — спросила я.

Мама вздрогнула и тут же рассмеялась:

— Ох, и напугала ты меня, Бельчонок!

Похоже, действительно напугала, мама, по моей просьбе, давно меня так не называла.

— Ленушка пришла, — засуетилась бабушка. Она отложила вязанье, воткнув спицы в толстый серый клубок, и поднялась с кресла. — Пойду, на стол накрою, обедать будем.

— Помочь? — спросила я.

Бабушка отмахнулась:

— Отдыхай, вы кто работает, кто учится, а я-то дома сижу, — и посеменила на кухню.

— Лена, — торжественно произнесла мама, — тётя Рая приезжает в отпуск, она достала для нас Мадонну!

— Классно, — сказала я.

Сервиз Мадонна — это мамина давняя мечта, неудивительно, что под него заранее готовится лучшее место в нашем серванте. Хрустальным бокалам и вазам придётся потесниться.

Я взяла у мамы полотенце и принялась вытирать посуду. Мама, воодушевлённо рассказывала, как её подруге удалось выменять у панов модный сервиз, отдав за него золотые серьги с рубином, которые мама дала тёте Рае в прошлый её отпуск.

Тётя Рая, мамина подруга находилась с мужем в Польше. Он служил в группе наших войск, размещённых там. Офицерским жёнам разрешали иногда выезжать в ближний город. Поляки, которых тётя Рая почему-то называла «паны», предпочитали не продавать товары за рубли или злотые, а обменивать на водку, икру, а что посерьёзнее на золотые украшения.

— Сейчас, чайник закипит, и можно идти, — сказала появившаяся в дверях бабушка. — Ленушка, а ты почему не переделась?

Я рванула в комнату, чуть не свалив прислонённые к стенке пальца. Нет, не те, что для вышивания. А четыре рейки с вбитыми в них наполовину маленькими гвоздями, соединённые в рамку. На них растягивали постиранные пуховые платки и паутинки. На этот раз там сушилась паутинка с красивым узором «Павлиний хвост».

— Рае подарочек, за труды, — пояснила бабушка и опять поспешила на кухню на свист закипевшего чайника.

Я быстро переделалась в халат, повесила форму на плечики поверх белого фартука, а вот чёрный отложила на стул. Лямка сзади оказалась наполовину оторвана. Мысленно обругала Дубинина и пошла на кухню, завернув в ванную, помыть руки. Мама с бабушкой уже сидели за столом и ждали меня. После обеда я решила, что сейчас самый подходящий момент и рассказала о путёвке в лагерь, которой меня наградили.

— Не знаю, — задумчиво протянула мама. — С одной стороны ты, конечно, молодец, что путёвку заслужила. Но ты же никуда не ездила одна!

— Вот и посмотрю, что такое пионерский лагерь.

— А как же экзамены? — не сдавалась мама.

— Смена вторая, с двадцать восьмого июня. К тому времени всё уже сдам. Мам, мне же в этом году не поступать, время будет свободное, — сказала я.

— Ну как же? Мы с папой двадцать седьмого уезжаем на курорт, на месяц, путёвки уже дали. Тебя же собрать, проводить надо, — произнесла мама, растерянно. Я почувствовала слабость и мигнула бабушке.

— А я на что? — спросила она. — Неужто сама не соберу? Да и Ленушка у нас девушка взрослая. Там ведь не только она будет.

— Да, мам, — подхватила я. — Учёба комсомольского актива, это очень интересно!

— А из твоей школы кто-нибудь едет? — спросила мама.

— Если только пионеры в другие отряды, — сказала я, бабушка решила поднажать:

— Видишь, наша Ленушка со всей школы одна такая достойная, пусть едет.

— Хорошо, только с папой нужно будет посоветоваться, — сказала мама, и я кинулась её обнимать, понимая, что вопрос решён. Да, главой семьи у нас был папа, но если мама что-то решила, всегда с ней соглашался. Так получилось и в этот раз. Как только папа пришёл с работы, мы тут же выложили ему свои новости.

— А ты, мать, как считаешь? — обратился он к маме. — Я насчёт лагеря. Так Звёздочка хороший лагерь. Говорят, директор там конкретный, правильный. Порядок держит железный. У нашего сварщика жена на своей работе путёвку детям брала.

— Думаю, пусть съездит, путёвка наградная, — ответила мама. — Тем более, сам говоришь, порядок.

Вопрос с моей поездкой был решён.

Глава третья. Здравствуй, «Звёздочка»!

После холодного мая наступил прохладный дождливый июнь. Для наших мест — явление редкое. Даже как-то странно было без привычной в это время изнуряющей жары.

Мы стояли около Дворца пионеров, кутаясь в олимпийки. Так стали называть куртку от спортивного костюма после прошедшей два года назад олимпиады. Мы — это я и другие комсомольские активисты. Многих я видела раньше на слётах, сборах и других мероприятиях, но чуть ближе была знакома с Катей, Ренатом и Артёмом. С Артёмом мы познакомились на смотре агитбригад. Он играл белого офицера и очень красиво пел романс, аккомпанируя себе на гитаре. В лагерь он гитару взял, как и ещё двое: парень и девушка, чьих имён я не знала. Даже только это обещало, что скучно не будет.

Пионеров и октябрят уже рассадили в большие «Икарусы», около которых толпились взволнованные родители. К слову, мне с трудом удалось уговорить бабушку не провожать меня до места отправки. Пришлось напомнить её же слова, сказанные как-то родителям: «Ленушка у нас взрослая».

Мы не занимали места в пазике, потому что ждали второго сопровождающего. Первый, вернее, первая — учительница биологии из пятнадцатой школы, стояла с нами и нервно поглядывала на часы. Наконец, она велела садиться в автобус и сделала отмашку рукой кому-то в начале колонны. Автобусы по одному стали выезжать с площади перед зданием Дворца пионеров на дорогу, выстраиваясь за машиной ГАИ.

Наш водитель тоже завёл мотор и тронулся, как только в дверь заскочила наша вторая сопровождающая. Я с трудом узнала в молодой женщине в походной одежде второго секретаря горкома комсомола. А ведь она часто выступала на сборах, да и в школу нашу приезжала. Мне казалось, из всех остальных лидеров молодёжи города, она самая настоящая, что ли. Остальные выглядели слишком правильными, слишком идеальными, словно памятники самим себе. Недавно я где-то прочитала слово «забронзовевшие», вот им оно очень подходило.

Елена Семёновна, так звали второго секретаря, поздоровалась, спросила все ли на месте и, заметив гитары, воскликнула:

— О, да мы с музыкой поедem! Кто споёт?

Девушка с гитарой, сидевшая на заднем сиденье, расчехлила инструмент. Она пробежалась гибкими пальцами по струнам, затем заиграла и запела:

— Солнца не будет — жди не жди:

Третью неделю льют дожди.

Третью неделю наш маршрут

С доброй погодой врозь.

Я никогда раньше не слышала этой песни, и это был вальс. Определённо вальс. Артём, сидевший через проход от меня, передал свою гитару соседу и встал. Он неожиданно поднял меня и закружил в танце. Ну, относительно закружил, насколько позволял тесный проход, стоящие в нём сумки и подпрыгивающий на ухабах пазик.

— Слушай, давай станцуем вальс

В ритме дождя.

Песня просила, и мы станцевали. Правда, желающих присоединиться не появилось, места в проходе было не так уж много. Зато хлопали нам с исполнительницей дружно и громко. Артём, не отпуская моей руки, принялся раскланиваться, и чуть не вписался лбом в спинку сиденья на очередном ухабе. Еле его удержала. В благодарность, он прижал руки к сердцу, затем, вновь неожиданно подхватил меня и усадил на моё место. Его поддерживали одобрительными возгласами и смехом.

— Кажется, ты ему нравишься, — шепнула Катя, сидевшая у окна на одном сиденье со мной.

— Да ну, просто сталкивались на конкурсах, — ответила ей, пожимая плечами, и спросила: — Не знаешь, что за песня сейчас была?

— Вожатский вальс, его для Артека написали, — объяснила Катя.

Артём всю дорогу посматривал в мою сторону. Он тоже расчехлил гитару и уже двое играли. А пели все остальные. Если не знали слов, включались в припев. Мы спели и про печёную картошку — пионеров идеал, и про охотников за удачей, и про новый поворот. Вот слова последней знали все, похоже, не только в нашем районе, её голосили компании, собирающиеся вечером в беседах.

Как только прозвучали последние аккорды песни «Между нами, дикарями, говоря», автобус остановился. Мы приехали.

— Что сидим? Кого ждём? — спросила Елена Семёновна весело и скомандовала: — Все на выход!

Мы засуетились, доставая рюкзаки или сумки. У меня имелось и то, и другое. Сама не поняла, почему вещей получилось много, вроде, и взяла самое необходимое.

Сумку у меня отобрал Артём, несмотря на мои заявления, что она лёгкая и что сама донесу. Катя, видя такое дело, всучила свой рюкзак Ренату, со словами:

— Побудь джентльменом.

Остальные парни последовали примеру Артёма и Рената, и в строю, в который нас выстроили сопровождающие, девушки стояли налегке. Пока около «Икарусов» царила суматоха — вожатые и воспитатели строили отряды, я успела немного осмотреться.

Если, повернув к лагерю, мы ехали по просёлочной дороге, то здесь находилась большая заасфальтированная площадка, даже остановка имелась. «Сюда же автобусы в родительские дни ходят», — вспомнила я. Бабушка их расписание нашла в газете накануне моего отъезда, вырезала и засунула под металлическую завитушку на стекле серванта. Мама уже уехала, и некому было возмущаться, что вырезка закрывает сервиз Мадонна, мешая любоваться его перламутровой красотой.

Мельком посмотрев на небольшой дом и сарай, стоящие за площадкой, ближе к реке, я повернулась к воротам лагеря. Нас встречали. Около створки ворот с надписью «Звёздочка», составленной из металлических букв, стояли мужчина и женщина. Пионерские галстуки и красные пилотки на них подсказывали, что это директор лагеря и старшая вожатая. Добродушная улыбка на лице директора как-то не очень вязалась с папиными словами о нём: «конкретный», «строгий». Как и киношная внешность: высокий, красивый. Возраст на таком расстоянии определить оказалось трудно, наверное, как моим родителям — около сорока лет. Будь он помладше, точно все девчонки бы повлюблились. Мне не верилось, что такой улыбчивый директор сможет установить железную дисциплину.

Сомнения поддерживали не прекращающаяся суматоха у автобусов и поведение старшего отряда, расположенного прямо перед нами. Здоровые лбы, почти наши ровесники, вели себя хуже малышей. Пацаны, как только вожатые отвлекались, усаживались в ништяковскую позу на корточках, ладно, не курили. Но я готова была побиться об заклад, что у половины в рюкзаках имеется заныканая пачка сигарет и спички.

Когда их, наконец, уgomонили, они не придумали ничего лучшего, чем заигрывать с нами. Хотя своих девчонок в отряде хватало.

Но как только их заводила произнёс: «Комсомолочки, активисточки, давайте вечером прогуляемся», — не выдержали нервы у нашей первой сопровождающей — учительницы биологии. Она уже давно с неодобрением посматривала на творящееся рядом безобразие. Биогичка решительным шагом направилась к соседям и за пару минут навела порядок.

— Внимание, внимание, — раздалось от ворот. Это старшая вожатая взяла рупор. — Рады вас приветствовать в пионерском лагере Звёздочка. Прошу построиться попарно и пройти на территорию лагеря. Вас ждёт завтрак в столовой, после чего заселитесь в корпуса. Добро пожаловать!

Директор распахнул и вторую створку ворот, отходя в сторону. А я рассмотрела старшую вожатую. Серьёзная, довольно симпатичная, и ей точно меньше двадцати восьми, на её штормовке красовался комсомольский значок.

С трудом выстроенные отряды двинулись в сторону ворот. Директор всем говорил напутственные слова. Когда дошла наша очередь, он произнёс:

— Приветствую комсомольский актив. В Звёздочке ваша учёба проводится впервые, но, уверен, это будет хороший опыт. Добро пожаловать!

Пройдя немного прямо, мы повернули к пищеблоку.

— Не будем торопиться, пусть остальные рассядутся, — сказала Елена Семёновна и отошла, чтобы пообщаться со старшей вожатой.

Мы же встали неподалёку от широкой лестницы, ведущей в столовую, на которой действительно происходила толкучка. Вещи скинули прямо на асфальт. Снимая рюкзак, я почувствовала, что в кармане олимпийки что-то шуршит. Опустила в карман руку и обнаружила фантики от конфет. Как-то на прогулке сунула и забыла. Огляделась в поисках урны и обнаружила только одну на углу здания. Рядом стоял мужчина неопределённого возраста, в синей спецовке. Он курил, и держал папиросу, как тот долговязый ништяк во дворе, большим и указательным пальцем.

— Ты куда? — спросил Артём, когда я шагнула в сторону урны.

— Мусор выкинуть, — ответила ему и продемонстрировала зажатые в кулаке фантики.

Меткостью не отличаюсь, поэтому подошла к урне почти вплотную и выкинула туда фантики. Неожиданно кто-то ткнулся мне в бок. Обернувшись, увидела большого гладкошёрстного пса с песочного цвета шерстью и висячими ушами.

— Не бойся, девонька, — сказал мужчина, — это Матрос, он добрый.

— А я и не боюсь, — ответив так, я погладила лобастую голову пса.

— Матрос хороших, добрых людей, типа тебя, девонька, чует, — продолжил мужчина.

— Меня Лена зовут, — представилась, сама не зная, зачем.

— А я дядя Витя, сторожу здесь. Днём вот, на кухонке, грузчиком, — ответил здешний сторож.

— Дядь Вить! — раздался из-за угла зычный женский голос. — Где ты там? Кто мясо доставать будет?

— Иду-иду, — отозвался дядя Витя, затушил до половины выкуренную папиросу, но отправил не в урну, а в нагрудный карман. Перед тем, как уйти сказал мне: — Ты, Ленок, если в столовке хлеб останется, с собой бери.

— Матросу? — спросила я.

Дядя Витя издал смешок, и пояснил:

— Себе, Ленок, себе. Ужин здесь рано, детки до ночи проголодаться успевают. Матрос у нас хлебушек не ест, разбаловался на столовских харчах.

— Дядь Вить! — вновь раздалось из-за угла.

Сторож подмигнул мне и, прихрамывая, завернул за угол, где, наверное, находился второй вход на кухню. Матрос, лизнув мне руку, поспешил за ним, виляя хвостом.

— Лена! — а вот это уже меня звал Артём.

Я повернулась. Наши поднимались по лестнице, а Артём стоял на нижней ступеньке, нагруженный и своими и моими вещами, плюс гитара. Увидев это, побежала к нему. Джентльмен джентльменом, но ведь реально тяжело и неудобно. С большим трудом удалось отвоевать рюкзак. Пока мы рядились из-за вещей, все уже расселись за столы.

Как только мы появились в дверях, нам замахала Елена Семёновна:

— Леночка, Артём, идите сюда, мы с Катюшей вам места заняли!

Ну вот, опять то же самое: взрослые проявляют ко мне заботу. Но, как бы то ни было, после завтрака я забрала оставшийся на нашем столе хлеб, завернула в носовой платок и сунула в рюкзак.

Глава четвёртая. Корпус-люкс

Долго засиживаться за завтраком никому не дали, проявив снисхождение лишь к младшему отряду. Я удивилась, что набралось так много малышни после первого-второго классов, чьи родители не побоялись отправить их одних в лагерь.

Предки и в мои пятнадцать считают меня маленькой. Нет, с одной стороны, быть единственным ребёнком в семье не так и плохо, но я не отказалась бы от такой сестрёнки, как вон та девчушка с двумя косичками. Тут взгляд упал на соседний столик, за ним кривлялся пацан из старшего отряда, тот самый, который пытался с нами заигрывать. Внутренний голос тут же ехидно поинтересовался: «А такого братика не хочешь?» Нет уж, нет уж, одна, так одна.

Старшая вожатая быстро назначила дежурных по столовой, вручив фартуки и косынки. Мальчишки тут же принялись изображать из себя пиратов, а некоторые юмористки из девочек повязались, как Алёнушки.

— Официант, шампанского! — тут же среагировал наш хулиганистый сосед.

— Завтра дежурит по столовой старший отряд, — сообщила старшая вожатая, и первыми на выход попросила именно завтрашних дежурных.

— Что, Чижик, дочикался? — ехидно спросила полная высокая девчонка, переглядываясь с подружкой. Они засмеялись.

— И чего ржёте, как кобылы Рокоссовского? — не остался в долгу «Чижик».

— Слышь, Рокоссовский — это типа танки, а не кавалерия, — сказал приземистый мальчишка казах.

— Заглохни, потомок Чингиз хана, — отрезал «Чижик».

Казах оказался тоже не паинькой и тут же двинулся на обидчика.

— Повтори, в натуре, что сказал?

— Чижев, Алимбаев, немедленно прекратить! — раздался голос одной из воспитательниц. Я удивилась, как она успела всех запомнить, но продолжение всё объяснило: — Если будете вести себя, как в школе, вылетите отсюда, как пробка из бутылки.

Точно, воспитатели ведь, в основном, учителя. И вот этой «повезло» заполучить в свой отряд хулиганов из собственной школы.

Как-то, решая, стать ли учителем, я упустила факт, что в школе будут не только мои милашки третьеклашки, но и такие вот чижики. Наверное, врачом всё-таки лучше.

Мы вышли из-за столов и, стоя у стенки рядом с вещами, спокойно ждали, пока вожатые уведут свои отряды. Воспитатели, которые, в отличие от них ещё не завтракали, остались в столовой. Как я поняла, кормили здесь в две смены: сначала детей и вожатых, затем персонал лагеря. Сразу после того, как дежурные убрали со столов, работница пищеблока быстро расставляла тарелки с кашей и стаканы с чаем.

Через большие окна было видно, как собираются около столовой взрослые. Уже знакомый сторож дядя Витя сидел на скамейке чуть поодаль и снова курил. Матрос, свернувшись клубком, спал у его ног. К остальным подошёл директор и принялся что-то говорить. По виду — давал указания. Дядя Витя сдвинулся на самый край скамейки. Мне показалось, он старается держаться подальше от директора, словно... боится. Хотя, вряд ли. Скорее, как выразился бы Димка Дубинин, прикидывается шлангом, чтобы не заметили и лишней работой не загрузили.

— О чём мечтаем? — спросил Артём, тронув за руку.

Улыбнулась ему, пожав плечами. И что вправду увлеклась наблюдениями, за три недели всё сто раз успею разглядеть и изучить.

— Сегодня я за вожатую, пойдём искать ваш третий корпус, — сказала Елена Семёновна. — Разбирайте сумки.

— Не беспокойтесь, Елена Семёновна, я сама вас провожу, — сказала старшая вожатая.

— Хорошо бы, Ольга Евгеньевна, а то я в Звёздочке ни разу не была. Ребята, а из вас кто-нибудь был?

Оказалось, никто из четырнадцати человек, а именно столько нас набралось, раньше в «Звёздочке» не отдыхал. Это мы уже выясняли на ходу, спускаясь по лестнице и выходя на дорожку, ведущую к корпусам.

Ольга Евгеньевна вела нас по лагерю, как заправский гид экскурсантов. После того, как миновали дом директора, расположенный рядом с воротами, по другую сторону, чем пищеблок, старшая вожатая остановилась около стенда.

— Тема нашей смены: Юбилейная. Это связано с недавним празднованием шестидесятилетия пионерской организации и предстоящим — шестидесятилетием образования СССР. Девиз: будь готов! Всегда готов! Это отражено на стенде. Также здесь план-сетка лагерных мероприятий. Если заметили, есть несколько пустых ячеек. По просьбе уважаемой Елены Семёновны, мы оставили место для ваших идей. Постарайтесь, чтобы придуманные вами конкурсы и соревнования соответствовали теме смены.

Мы двинулись дальше, но прошли немного, вновь остановившись перед административным корпусом или, как здесь его называли, Пионерской, занимавшей довольно большой дом. Перед ним имелась площадка, после которой стояли в несколько рядов лавочки. За лавочками виднелись несколько кирпичных домов — первый и второй корпуса, там селили младшие отряды, в зданиях поменьше располагались душевые и прачечная. Нам это объяснила Ольга Евгеньевна, она также рассказала, какие кружки будут работать в Пионерской.

— Нам здесь комнату для занятий выделяют? — спросила Елена Семёновна.

— Да, мы подготовили помещение, где раньше занимались авиамоделированием. Этот кружок был самым популярным, мы думали в этом году выставлять работы детей на областной конкурс. Но, к сожалению, ведущий кружок вожатый трагически погиб.

Видимо, старшей вожатой было трудно об этом вспоминать, она тут же перевела тему. Оказалось, все мероприятия проводятся на площадке перед Пионерской, а на летней эстраде за столовой крутят фильмы. За смену их привозят раза три-четыре.

— Не откажешься сходить со мной в кино? — шутливо спросил меня Артём.

Я успела лишь кивнуть, нас повели дальше. Ненадолго остановились около дома для персонала: Елена Семёновна закинула свои вещи в выделенную им с биологичкой комнату. Как-то неудобно получается, что не знаю, как имя и отчество второй нашей сопровождающей. Надеюсь, узнаю, когда её кто-нибудь позовёт, но пока такого не случилось. С нами всегда Елена Семёновна, вот и сейчас: одна с нами возится, заселяет, а вторая завтракает.

В той стороне, куда нас вели, я заметила много пирамидальных тополей. Такие деревья встречала на юге, но там они намного выше. А здесь или климат не тот, или посадили недавно. Между деревьями виднелось что-то похожее на памятник. С трудом верилось, что такое может быть в пионерском лагере. Гипсовые скульптуры, понятно, а вот что-то более монументальное...

Но дорожка вывела нас к плацу, на котором, как сообщила старшая вожатая, проводились линейки. И там действительно стоял памятник Ленину с вытянутой вперёд рукой. Копия того, что возвышался в центре города. Пусть уменьшенная, но даже тут высота пьедестала равнялась росту взрослого человека ну, или полутора моим.

Рядом с памятником находился флагшток с пока ещё не поднятым флагом. За плацем виднелись два двухэтажных корпуса, в каждом из которых размещали по два отряда.

— Там, за корпусами футбольное поле, вторые ворота и выход на пляж, — объяснила Ольга Евгеньевна и с непонятным энтузиазмом добавила: — Отрядов, если не считать ваш, семь. Вас четырнадцать. По два человека на отряд в помощь вожатым.

— Это кстати, тем более, тема нашей учёбы: Роль комсомольцев как старших товарищей пионерии, — сказала Елена Семёновна. — Как видите, у нас тоже прослеживаются юбилейные мотивы. С утра у нас занятия часа по два, а после них наши активисты в вашем распоряжении.

Ольга Евгеньевна осмотрела нас, чуть ли не потирая руки. Не хватало мне и здесь второй «Алочки». Хотя, наверное, энтузиасты везде одинаковые, хоть в школе, хоть в лагере.

— Ну, экскурсию провела, пойдёте заселяться, — предложила Ольга Евгеньевна. — Вон, после площадки для зарядки, медпункт и третий и четвёртый корпуса.

Мы повернулись в указанную сторону. Если честно, я немного обалдела, увидев два похожих на бараки строения. Мы серьёзно будем тут жить? Да у нас в городе на весь район только один барак и остался — на конечной автобусной остановке. Разделённый на девять секций и получивший за это прозвище: девятиэтажка. Раньше в него селились освобождённые из мест лишения свободы, но со временем состав жильцов поменялся, теперь там ни одного зэка. Откуда знаю? Так у меня подруга в соседнем доме живёт.

Пока мы огибали спортивную площадку, Елена Семёновна и старшая вожатая потихоньку беседовали. Я не прислушивалась специально, но шла рядом, поэтому всё слышала. Ольга Евгеньевна жаловалась на вожатых. Она говорила:

— В первую смену работали ребята из педучилища, проблем не было. Такие молодцы! А сейчас на практику прибыли студенты из пединститута. Земля и небо. Ходят недовольные, словно их в ссылку, как декабристов сослали. А гонору немеряно. Не у всех, конечно, но у большинства. Вот и пришли. Мальчики вам в ту половину. Пойдёмте, я с вами, а Елена Семёновна девочек заселит.

Последнее уже было сказано нам, потому что мы дошли. Корпус барачного типа произвёл впечатление не только на меня. Катя и некоторые другие девчонки выглядели обескураженными, а вот наши парни сохранили полную невозмутимость. Артём даже пошутил:

— Совсем как на Востоке: женская половина, мужская половина, — и пропел: — Если б я был султан и имел трёх жён.

Мы рассмеялись. Ребята сгрузили наши вещи на терраске перед входом, расположенным с торца и потопали к себе. Первой вошла внутрь Елена Семёновна.

— Девочки, вы только посмотрите: лишние кровати убрали, как здесь просторно. Всего семь кроватей на такое помещение! — воскликнула она. — А тумбочки оставили, так у вас у каждой их будет по две. Да тут, можно сказать, люксовый корпус. Размещайтесь, встретимся перед линейкой через час.

Елена Семёновна вышла, а мы принялись обживать свой барак класса люкс.

Глава пятая. Вожатым в помощь

Особо не выбирая, я заняла ближнюю к двери койку. Катя устроилась на соседней. Кровати стояли поперёк комнаты на приличном расстоянии друг от друга. Тумбочек оказалось больше, чем по две. Я прикинула, сколько здесь обычно размещают детей, и порадовалась, что нас мало. А то были бы сейчас, как кильки в томате.

— Галстуки приготовьте, — напомнила Неля, девушка с гитарой. — На линейку повяжем, мы ведь тоже вроде как вожатые.

О том, что нужно брать с собой пионерский галстук нас предупредили заранее. Я выложила свой на тумбочку. Отметила, что у всех девчонок тоже есть. Ничего удивительного, активисты. Перед тем, как отнести сумку и рюкзак в стоящий около стены узкий шкаф, вынула одеколон «Гвоздика». Недавно мы с подружками опытным путём установили, что из всех, имеющих у нас духов и одеколонов, этот единственный отпугивает комаров. И во время последних прогулок дружно благоухали гвоздикой.

— Это тебе зачем? — спросила Катя, и, выслушав мои объяснения, сказала: — А у меня Тайга. Могу дать побрызгаться.

— Спасибо, но я на неё чешусь, — ответила ей и отнесла сумки в шкаф.

Вернувшись, собралась присесть на кровать, застеленную байковым одеялом в клеточку, со стоящей треугольником подушкой и свёрнутой простынёй.

— Пойдём, посмотрим местные достопримечательности, — пресекла мою попытку приземлиться Катя. На мой недоуменный взгляд добавила: — В туалет, говорю, пошли.

Мы вышли на улицу и двинулись вдоль стоящих в ряд умывальников. В конце ряда и обнаружился туалет. Разделённый на две половины с нарисованными буквами «М» и «Ж».

Около мальчишеской половины стояли Чижов и Алимбаев и вполне дружно курили. Заметив нас, они оживились.

— Девчонки, вам сюда, в натуре, — пригласил Чижов, показывая рукой на вход рядом с собой.

— С чего бы? — спросила Катя, я промолчала, подозревая подвох. Существование в одном классе с Дубининым меня многому научило.

Чижов довольно усмехнулся и заявил:

— Ну, вот же: мэ — мадамский, же — жентльменский.

Мальчишки заржали. Алимбаев случайно обернулся и тихо сказал:

— Атас, Шапокляк идёт.

Они с другом скрылись в туалете. Нам стали слышны голоса.

— Лариса Германовна, они точно в эту сторону пошли.

— Спасибо, Таня.

И это ещё я была своим прозвищем недовольна? Тут же назвали именем вредной старушки из мультика красивую молодую учительницу. Наверное, из-за имени.

Мы с Катей переглянулись и тоже зашли в туалет. Внутри, к моей радости обнаружили кабинки, как в общественных уборных, а не дырки в дощатом полу. Когда гостила у тёти в деревне, всегда боялась в эту дыру шлёпок уронить.

— Смотри, побелка свежая, — заметила Катя, когда мы уже направлялись на выход. — Наверное, так положено: обновлять после каждой смены.

У умывальников мы помыли руки и побрызгали друг на друга водой. Тучки разошлись, и стало даже жарковато. К нашему возвращению девчонки уже разложили вещи и сидели около Нелли.

— Сыграй ещё что-нибудь, — попросила полная высокая девушка, кажется, Света.

— А мы тут, плюшками балуемся, — сказала Неля, увидев нас, и очень похоже изобразив Карлсона.

Она приглашающе кивнула. Поскольку на кровати рядом было бы тесновато, мы уселись на тумбочки. Неля спела песню, которую я раньше не слышала. Кажется, домашние девочки, вроде меня, многие вещи пропускают. Последний припев: «Милая моя, солнышко лесное», пели уже все.

— Откуда ты столько песен знаешь? — спросила Света, когда Неля закончила играть.

— У меня предки постоянно на Грушу ездят, — ответила Неля. — Это Грушинский фестиваль бардовской песни. Меня хотели взять, но в восьмидесятом отменили из-за олимпиады, а теперь переименовали в фестиваль патриотической песни. Папа решил, что лучше мне сюда. А я и патриотические могу!

Неля заиграла «Дан приказ ему на запад». Может, она хотела только показать, но мы подхватили и допели до конца.

— Правильные песни поём, — раздалось от порога. Елена Семёновна, а это она сказала, прошла к нам и села на тумбочку рядом со мной. — Пока не забыла, девочки, я договорилась, что вы можете пользоваться душевой ежедневно в тихий час. Ключ будете брать в прачечной.

— Вот спасибо! — воскликнула Катя. — Кому как, а для меня один банный день в неделю — это мало.

— Сегодня занятий не будет, организационный день. Сразу после линейки идите в отряды, поможете придумывать названия и речёвки, — продолжила Елена Семёновна. — Я с вами буду заниматься только эту неделю. В субботу уезжаю. Вы остаётесь с Ириной Ивановной. В начале третьей недели к вам на один день приедет с лекцией кто-то из инструкторов горкома.

Не только я не удержала разочарованного взгласа. Имя второй сопровождающей я, конечно, узнала, но это не радовало.

— А нельзя, чтобы вы с нами остались? — спросила Неля.

— Не получится, — с сожалением ответила Елена Семёновна. — У меня почти сразу вторая командировка, в областной центр. Ладно, собирайтесь, вот список, кому, в какие корпуса идти. Пойду, наших мальчиков потороплю.

Первая линейка на плацу с памятником получилась по-настоящему торжественной. Произносили речи директор и старшая вожатая, реял на флагштоке красный флаг, звучал гимн пионеров «Взвейтесь кострами». Серьёзность обстановки охватила даже хулиганистый старший отряд. Формы в «Звёздочке» не требовалось, поэтому дети лишь повязали красные галстуки и прицепили значки к обычной одежде. Как и мы, только значки у нас были комсомольские.

После линейки отряды строем отправились к себе, нас задержала Ольга Евгеньевна. Она решила нам провести небольшой инструктаж. Директор тоже остался послушать, он встал рядом со мной. Да, здесь в строю, как и в школе на физкультуре я стояла последней. Правда, побыл с нами Сергей Сергеевич, так звали директора, недолго. Минуты через две он несколько раз чихнул. Затем, посмотрел на меня с подозрением и тихо спросил:

— Чем надушилась?

— Одеколон Гвоздика, — также тихо ему ответила.

— У меня аллергия на травы, — произнёс он и ушёл.

Станный, оправдался за свой уход. Мог бы вообще ничего не говорить.

Старшая вожатая вела себя так, словно мы её последняя надежда, я вспомнила их разговор с Еленой Семёновной о вожатых. Неужели всё действительно так плохо?

То, что Ольга Евгеньевна не преувеличивает, стало понятно, уже на подходе к месту. Мне, Кате, Свете и Артёму достались отряды из четвёртого корпуса. На террасе никого не было, из открытых дверей раздавался шум, по-моему, более сильный, чем бывает при рисовании плакатов и придумывания названия.

Из дальней двери выскочили двое мальчишек, следом третий, слегка отставший. Нас они не заметили.

— Шевелись! — крикнул бежавший впереди пацан отстающему. — Нужно девчонок шугнуть, пока пиковую даму вызывают. Там как раз окно открыто.

Мальчишки завернули за угол корпуса. Артём, раньше нас сообразивший, что задумали озорники, быстрым шагом двинулся за ними, но не успел. Из корпуса донёсся девичий визг.

Мы с подружками, когда маленькими были, тоже вызывали пиковую даму, взяв зеркала и создавая темноту при помощи одеял. Если бы нас в этот момент кто-то потрогал или сказал «ух», мы бы ещё похлеще завизжали. Артём вскоре вынырнул из-за угла, гоня пацанов перед собой.

Все вместе мы вошли в корпус. Бедная вожатая, бегавшая от своего отряда к соседнему, и тщетно пытавшаяся навести порядок, обрадовалась нам, как родным. Она тут же сообщила, что её зовут Марина, она с исторического, а её напарница, вожатая пятого отряда смылась на свидание с физруком.

— Мы с Леной к тебе, — сообщила Катя.

Я, вообще-то, хотела попасть вместе с Артёмом, но постеснялась об этом сказать. К тому же мы и так рядом.

Совместными усилиями нам удалось настроить расшалившуюся детвору на творческий лад, всё же пять человек не один. В итоге оба отряда обзавелись названиями, девизами, речёвками, а также плакатами. Когда мы торжественно прикрепили плакаты к стендам канцелярскими кнопками, Марина предложила:

— Давайте, порепетируем! Начнём с моих. Наше название?

— Весёлые нотки! — хором ответили ребята.

— Наш девиз!

— Пионер — во всём пример!

— Наша речёвка!

— Мы танцуем и поём. Очень весело живём.

Света, поддерживая заданный ритм, обратилась к пятому отряду.

— Наше название!

— Бригантина!

— Наш девиз!

— Бороться и искать, найти и не сдаваться!

— Наша речёвка!

— Нам не страшен даже шторм, если мы к мечте плывём! — завопили дети и громче всех троица озорников.

В этот момент и появилась вторая вожатая.

— Ой, вы уже всё сделали? — сказала она, состряпав невинное личико.

От такой первозданной наглости Марину слегка перекосило, и она твёрдо заявила:

— Запомни, Надя, я за твоими смотреть больше не буду, только на время твоего выходного.

— Ну и не надо. Мне вон ребята помогут, — заявила Надя, кивая на Свету с Артёмом.

— Уже бежим, роняя тапки, — ответила Света.

— Фу какие, — сказала Надя и попыталась скрыться в комнате вожатых.

— Куда, а на обед отряды вести? — остановила её Марина.

С улицы раздался сигнал горна, извещающий, что пора идти в столовую.

— Это что, нас и будить так будут? — ужаснулась Надя.

— Побудка, завтрак, обед, ужин и отбой, — пояснила Марина с некоторым злорадством. Создалось впечатление, что Надя успела её достать с момента поездки в автобусе.

В столовую наши отряды шли дружно и с речёвкой, в которой обещали съесть повара, если им вовремя не откроют двери.

Глава шестая. Игры, песни, комары

Тихий час в лагере оказался не таким уж тихим, да и прошёл как-то быстро. Пока мы отвели в корпус своих подшефных, пока помогли их уgomонить, пока сбегали в душ с девчонками, половину времени, отпущенного на отдых, как корова языком слизала.

Забежав в туалет во второй раз, мы с Катей поняли, зачем его внутри так часто белят. На стене красовалась зелёная надпись: «Танька — стукачка». На полу валялись пучки травы, которой надпись и была сделана. Если бы своими глазами не увидела, не поверила бы, что траву можно использовать для таких целей. Ниже виднелись следы от пыльной обуви размера этак сорок первого, кто-то хорошо попинал стену. Хотя почему кто-то? Сомнений в авторстве данного безобразия у нас даже не возникло.

— Вот ведь, собачья отравка, — странно выругалась Катя. Она не успокоилась, даже когда мы мыли руки. Кивнув на корпус старшего отряда, сказала: — Не повезло нам с соседями. Дури много, детство в одном месте играет. Нужно в туалет по двое ходить. Одна чтобы на стрёме стояла, а то с этих станется ввалиться. На ночь нужно будет двери изнутри забаррикадировать.

— Зачем? Думаешь, придут пастой мазать? — спросила я. Сама в лагере не была, одно-классники просветили. В позапрошлом году Димка Дубинин хвастался, что за смену всех лагерных девчонок намазал, три тюбика пасты ушло.

— Стопудово, — ответила моя новая подруга. Оказывается, в лагере быстро становятся друзьями. Думаю, и врагами так же, ведь лагерная жизнь скоротечна — всего одна смена.

У нас в отряде пока сложилась хорошая обстановка. Но тут особый случай, собрали единомышленников с активной жизненной позицией, любимое выражение нашего завуча. К тому же мы уже взрослые.

Так я рассуждала, пока шли в корпус. Поднявшись на террасу, услышали смех и какой-то стук. А открыв дверь, обнаружили, что наши взрослые девочки играют в резиночку.

— Бегом заходите, — сказала Света.

Они с Ритой ногами держали бельевую резинку, растянув на уровне колен. Прыгала Неля, рядом ждала очереди Наташа, а Галка сидела, свернув ноги калачиком, на кровати, и изображала из себя судью.

— Так, значит на эту наступить так, на ту вот так, подпрыгнуть и попасть в середину, — проговорила Неля, перед тем, как сделать.

— Получилось, — сказала Галка.

Неля уступила место Наташе и, подойдя к нам объяснила:

— Наши малыши резинку из дома притащили, а прыгать не умеют, вот мы и решили с Наташкой детство вспомнить, а потом их научить.

Неле с Наташей достался младший отряд и вожатая типа Нади. Со стороны-то было забавно наблюдать, как вожатка топает впереди, не оглядываясь, а наши девчонки бегают около малышни, как квочки вокруг цыплят.

Галка с Ритой тоже попали на младший, но в их отряде дети были на полтора-два года взрослее, с такими уже легче. Хотя вожатой девчонки тоже не особо были довольны. Мне и Кате с вожатой Мариной явно повезло.

— Прибегала Оленька, в смысле, старшая вожатая, просила придумать игры для отрядов, — сообщила Света. — Прятки и казаки-разбойники отпадают.

— Ну вот, а чем мы пацанов занимать будем? — озадаченно протянула Катя.

— Цепи, цепи, скованы, — предложила я, вспомнив своих третьеклашек. — В море волнуется, тоже все поиграют.

— Если у физрука мячик взять, можно в штандер и в съедобное — не съедобное, — включилась в обсуждение Света.

— А физрук так ничего, — сказала Рита.

На торжественной линейке мы успели рассмотреть сотрудников. Мне, например, физрук не очень понравился, слишком слащавая внешность, а два парня вожатых показались высокими. Наши мальчишки из отряда куда интереснее. Но вслух говорить этого не стала, а вот Катя выдала:

— Самый красивый здесь директор. Как артист с открытки, забыла фамилию.

— Да ну, он старый, — протянула Наташа.

— Не отвлекайся! — шикнула на неё Галка.

Наташа посмотрела на неё и прыгнула мимо резиночки, довольно шумно приземлившись. В стенку постучали. Короткий стук, длинный.

— Пока мы тут прыгаем, мальчишки азбуку Морзе изучают, — со смешком произнесла Света. Она скинула резинку и подошла к стене, прислушиваясь. — Три коротких, три длинных, три коротких. Девчонки, это же международный сигнал бедствия.

— Идём, посмотрим, что там случилось, — предложила Катя, первой направляясь к выходу.

— Эй, меня подождите! — закричала Галка, лихорадочно доставая из под кровати шлёпок.

Когда мы ввалились к мальчишкам, зайдя в другой торец корпуса, Ренат сказал остальным:

— Вот видите, сработало, — для нас же добавил: — Проверка связи.

— Я сейчас тебе такую проверку покажу! — воскликнула Катя, хватая с первой попавшейся кровати подушку.

После короткого подушечного боя трое на трое — нам с Артёмом досталась одна подушка на двоих и мы биться не стали — мы уселись на койки и тумбочки, принявшись обсуждать праздничный номер. Каждый отряд должен был что-нибудь приготовить к празднику открытия смены. Мы, находясь на особом положении, могли бы этого не делать, ограничившись помощью вожатым. Но Ольга Евгеньевна попросила тоже поучаствовать. Так сказать, вне конкурса. Ну а мы, как в том лозунге: Родина сказала: надо. Комсомол ответил: есть!

С улицы раздался звук горна, извещая, что тихий час закончен, пора отправляться на полдник. Я думала, играет настоящий горнист, но оказалось, это запись, передающаяся из радиорубки к громкоговорителю на столбе. Даже разочарование почувствовала, словно вместо настоящего апельсина мне подсунули муляж, красивый, но не настоящий.

На полдник всем выдали по стакану сока и пирожному «Полоска». Я сначала хотела взять с собой, но неожиданно почувствовала голод и всё съела. И ведь пообедали плотно, готовили здесь не хуже, чем в школьной столовке. Вот что значит, свежий воздух. Прав здешний сторож, если ужин в шесть, до отбоя сто раз можно проголодаться.

До ужина мы занимались со своими отрядами. Надя опять куда-то смылась, поэтому мы снова были вместе с пятым отрядом. Мы не только играли, но и подготовили два номера для праздника. Дети быстро сообразили, что к чему. Когда зашла с проверкой Ольга Евгеньевна и спросила, где Надя, мы рта открыть не успели, как один из мальчишек выпалил:

— Она с физруком срулила, опять, наверное, за медпунктом целуются.

Ольга Евгеньевна поменялась в лице, выскочила из корпуса и почти бегом направилась в сторону медпункта.

— Зачем сдал? — спросил мальчишку друг, это были те самые, что утром пугали девчонок.

— Не люблю хитропопых, — ответил тот, слегка запнувшись. Заметил, что мы слушаем, и смягчил определение.

Надя вернулась через несколько минут. Вся красная, в слезах, она пробежала в комнату вожатых, захлопнув за собой двери.

— Репетируем, не отвлекаемся, — устало сказала Марина ребятам. Но тут пришли воспитатели, их сегодня раза три собирали у заместительницы директора по воспитательной работе. Нас с Мариной отправили отдыхать.

После ужина наш отряд вместе с Еленой Семёновной собрался, чтобы посидеть под гитару.

— Вот просохнет после дождя, сходим завтра или послезавтра к Уралу, там, на бережке костёр разведём, я на кухне картошки попрошу, испечём, — пообещала Елена Семёновна.

Мы расположились перед корпусом. Притащили лавочки с террас, несколько бесхозных тумбочек, поставили кругом. Неля, Артём и Юра взяли гитары. Начался наш импровизированный концерт с «Вожатского вальса». Наших музыкантов охватило лирическое настроение, и мы спели несколько романсов и бардовских песен. Потихоньку стали собираться зрители. Старший отряд расселся на перилах наших террасок по праву ближнего соседа. Остальные стояли поодаль. На скамейках у дома персонала уселись взрослые.

Но собрались не только люди, но и комары, радостно почувствовавшие свежатинку. То с одной стороны, то с другой раздавались шлепки. Моё персональное отпугивающее средство действовало и здесь, но слабей, чем в городе. Комары пока не кусали, но жужжали тоненько прямо над ухом. Так что и я, вслед за остальными тоже начала отмахиваться.

Когда сгустились сумерки, Елена Семёновна сказала:

— Ну, что, ещё одну песню и расходимся. Неля, давай что-нибудь для души.

— Я исполню любимую песню моих родителей. Они были на фестивале, когда состоялась её премьера. Написал Олег Митяев, — сказала Неля, тронула струны и запела: — Изгиб гитары жёлтой ты обнимешь нежно...

Пронзительная, действительно трогающая душу песня, захватила слушателей.

— Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались, — разносилось над лагерем.

Последний припев пели вместе дети, вожатые, воспитатели, объединённые единым порывом. Когда отзвучал последний аккорд, раздались аплодисменты.

— Всё, всё, расходимся, десять минут до отбоя, — сказала воспитательница старшего отряда и принялась сгонять своих ребят и девчонок с наших перилл.

Расходясь, многие говорили спасибо за чудесный вечер. Елена Семёновна тоже отправилась к себе. Мы растащили по местам скамейки и тумбочки, стараясь быстрее закрывать двери, чтобы не напустить комаров. Нам расставаться не хотелось. Кто-то из мальчишек сказал, что хочется есть. Я вспомнила о хлебе из столовой. Все переместились на нашу половину. Чтобы не спалиться, свет включать не стали. Запаслась я, как суслик на зиму, по куску хватило всем.

— Давайте, кровати сдвинем, ляжем и поболтаем ещё, так все уместимся, — предложил Артём.

Парни, стараясь сильно не шуметь, сдвинули вместе все кровати. Разместились почти с комфортом. Артём лёг с краю, я оказалась между ним и Катей, стало тепло, уютно, и волнующе. Почти полная темнота — свет фонаря на столбе попадал на мужскую половину корпуса, — тишина и жаркое дыхания парня, который нравится, почти у моей щеки.

— Будем страшилки рассказывать? — шёпотом спросил Юра откуда-то с того края.

— Будем! — радостно согласилась Катя.

Вскоре мы говорили в полный голос, смеялись, а после того, как Юра закончил свою страшилку резким: «Отдай своё сердце», девчонки даже взвизгнули.

Неожиданно включился свет.

— Это что за безобразие? А ну быстро по местам! — раздался строгий женский голос. Проморгавшись после темноты, мы разглядели Ирину Ивановну, биологичку, нашу вторую сопровождающую.

— Нарисовалась, не сотрёшь, — прошипела мне на ухо Катя.

Парни стали выбираться из кроватей, а Ирина Ивановна продолжала выговаривать:

— Я ещё не поверила, когда Лариса Германовна на шум пожаловалась!

Вот кто нас сдал. Воспиталка старшего отряда. Кажется, «Шапокляк» её прозвали не из-за имени.

— Не забудьте забаррикадироваться, — сказала я Артёму.

— Надо и раньше было, — со вздохом ответил он.

— Умная мысль приходит опосля, — сказала Катя.

Ирина Ивановна пропустила парней и вышла последней. Мы растащили кровати, и перед тем, как лечь спать, поставили к двери, открывающейся внутрь, три тумбочки одна на другую.

Глава седьмая. По порядку на зарядку

Баррикады из тумбочекгодились за ночь целых три раза. Первый — минут через десять после того, как мы улеглись. Ещё никто толком не заснул. То от одной кровати, то от другой раздавался скрип пружин: девчонки ворочались, устраиваясь поудобней. Стук двери о преграду слышали все.

— Вот я кому-нибудь уши пообрываю! — крикнула Катя.

— Девчонки, давайте их самих измажем, — поддержала Света, уже подошедшая к двери.

С улицы раздалось приглушенное ржание и топот ног, как табун пробежал. Интересно, они всем отрядом ходят или от двоих столько шума?

Светка вернулась к себе и пробормотала, отчаянно зевая:

— Нужно ещё немного подождать... Сейчас другие отряды перемажут и на обратном пути к нам заглянут.

Мы старательно ждали, прислушиваясь, и сами не заметили, как заснули. Разбудил шум сдвигаемых по полу тумбочек. Резко скрипнула кровать Кати, она встала, двинувшись к двери со словами:

— Держите меня семеро, я точно сейчас их прибую!

— Подожди, я с тобой, сейчас шлёпки найду! — крикнула Галка.

Вновь раздались смешки и топот, на этот раз, кажется, желающих потратить на нас свою зубную пасту было меньше. Девчонки придвинули тумбочки вплотную к двери и вернулись к себе.

Третий раз проникнуть к нам попытались перед рассветом. Ночная мгла понемногу рассеивалась, уступая место серому сумраку. Меня разбудил писк комара над ухом. Отмахнувшись, открыла глаза и замерла. Тоненький лучик света от висящей над террасой лампочки проникал в щель между дверью и косяком. Щель медленно расширялась, кто-то снаружи осторожно сдвигал нашу баррикаду. Мне почему-то стало не по себе. Стараясь не шуметь, благо моя кровать оказалась не такой распатанной, как у остальных, повернулась к Кате. Потянулась и потрясла подругу за плечо, чуть не свалившись на пол. Шепнула:

— Они опять пришли.

Катя открыла глаза и тоже увидела полоску света. Она приподнялась на локте и рявкнула:

— Чижев, собачья отравка. Ты не Чижек, ты дятел! Задолбал!

После чего, посчитав свою миссию выполненной, повернулась на другой бок и сонно засопела. Я же вновь легла лицом к входу и уставилась на полоску света. Послышались тихие шаги, подумала сначала, что показалось, но полоска перестала расширяться. Понемногу глаза стали слипаться. На грани яви и сна, поняла: это был не Чижек и не его друзья. Но кто? Додумать не успела, заснула.

Горн зазвучал неожиданно и резко, заставив вздрогнуть и чуть не свалиться с кровати. Появилось кровожадное желание залезть на столб и сломать громкоговоритель. После горна заиграли весёлые детские песенки, по степени вызванного раздражения его превзошедшие. Так чувствовала не только я.

— Тили-тили, трали-вали, чтоб вам руки оторвали, — пробормотала Катя, натягивая спортивные штаны.

— Зато бодрит, — сказала Галка, и, противореча себе, сладко зевнула.

Давно заметила, если рядом кто-то начинает зевать, это передаётся остальным. Вскоре мы потягивались и зевали всей палатой. Так здесь назывались помещения в корпусах. Совсем, как в больнице.

Мы подхватили полотенца, зубные щётки и потопали дружно к умывальнику. Там отмылись от пасты девчонки из старшего отряда. У одной из них было измазано не только лицо, но и волосы.

— Тань, вот здесь ещё, дай ототру, — сказала её подружка.

Ну, понятно, Чижик отыгрался на сдавшей их местонахождение воспитательнице девчонке. Хотя, если честно, я стукачей тоже не люблю. В моём классе своих никогда не сдавали, ведь, говоря словами Дубинина, это было «западло». Интересно, каким будет сборный девятый? Больше одного класса вряд ли наберётся. Три восьмых чуть ли не полными составами отправились в техникумы и ПТУ.

Раздумывая, я машинально чистила зубы и умывалась, слегка поёживаясь от утренней прохлады.

— Лен, не спи, замёрзнешь, — сказала Катя, ткнув меня в бок.

Около корпуса нас ждала возмутительно бодрая Елена Семёновна в красивом спортивном костюме бирюзового цвета.

— С добрым утром, сони! — приветствовала она нас. — Я договорилась с директором, мы с вами вместо зарядки пробежимся разок-другой вокруг лагеря. Быстро одевайтесь, пойду парней собирать.

Когда мы, надев кеды и олимпийки вышли, парни уже стояли перед корпусом в полном составе. Их тоже ночью не намазали, кроме того, Юра с Ренатом даже выскакивали, пытаясь поймать вредителей, но не догнали.

— Шустрые гаврики, — сказал Юра.

— По двое стройся, за мной бегом марш! — скомандовала Елена Семёновна и, побежала трусцой, огибая площадку для зарядки, к которой уже подходили средние отряды. Нам дружно замахали руками. Мы помахали в ответ. Когда дети к тебе привязываются с первых встреч — приятно.

Около Пионерской догнали старший отряд, плетущийся дежурить в столовую.

— Посторонись! — бодро крикнула им Елена Семёновна.

Мы с Катей бежали последними. Чижик обернулся на нас, толкнул друга:

— Смотри, Хан, они, в натуре, спортсменки.

Пацаны громко заржали.

— Что ты ржёшь, мой конь ретивый? — не удержавшись, съязвила Катя.

— Тебя, кобыла, увидав, — не остался в долгу Чижик.

— Смех без причины — признак дурачины, — отрезала Катя.

Её слово оказалось последним, мы обогнали лагерных хулиганов. Наверняка, они что-то выдали вслед, но было уже не слышно.

Створки ворот оказались распахнуты, наверное, специально для нас. На крыльце своего домика стоял директор лагеря. Одет Сергей Сергеевич был в спортивное трико и футболку, но в пилотке и с красным галстуком. Спит он в них что ли?

— Физкульт привет! — приветствовал он нас. — Молодцы, комсомольцы!

— Служим Советскому Союзу! — отозвался по-армейски кто-то из наших мальчишек.

Но директор воспринял ответ не как шутку, на его лице отразилось удовлетворение. Он смотрел на нас так, как смотрят на того, на кого возлагают большие надежды. Так смотрела на меня завуч, отправляя на олимпиаду по математике: «Белкина, мы верим, что ты будешь первой». Так смотрели на меня наш комсорг Игорь и пионервожатая Аллочка: «Лена, никто лучше тебя не подготовит третий класс к вступлению в пионеры». Хотя, может, у меня фантазия разыгралась. Но, как бы то ни было, относится директор к нашему отряду хорошо.

Катя, как и я, смотрела на Сергея Сергеевича, вот только мысли её текли в другом направлении. Когда выбежали из ворот, она сказала:

— Лена, какой он всё-таки красавчик.

Я покрутила пальцем у виска. Да, при ближайшем рассмотрении нашему директору явно не больше тридцати шести. Но двадцать лет разницы...

— Ты Ренату нравишься, — сказала подруге, чтобы переключить на более подходящую кандидатуру.

— Так и он мне, мы договорились вечером перед отбоем вдвоём погулять, — сообщила Катя. — Но Серёженька это другое. Это несбыточная мечта. Маленькая ты ещё, не понимаешь.

Не стала ничего отвечать, хотя Катя старше меня всего на год, а маленькой в смысле роста, я, к сожалению, так и останусь. В мамину с бабушкой породу пошла. Пошла бы в папу-сибиряка, не смотрели бы тогда Катя со Светой на меня сверху вниз. Разумеется, в прямом смысле. Так-то девчонки ко мне хорошо относятся.

Когда сбежали с асфальта на просёлочную дорогу, стало не до разговоров. Приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не навернуться.

Сторожа я заметила, когда почти до него добежали. Дядя Витя возвращался из степи с плетёной корзиной, полной травы. Матрос бегал с ним. Пёс то отбегал и лапами ловил в траве кузнечика или бабочку, то возвращался. Сторож остановился, пропуская наш отряд. У меня мелькнула одна мысль.

— Сейчас вернусь, — сказала Кате и свернула, побежав к сторожу.

— Что-то случилось, Ленок? — спросил он меня.

— Дядя Витя, вы ночью в лагере корпуса не обходите? — спросила его. Мне почему-то казалось, очень важным узнать, кто пытался пробраться к нам перед рассветом.

— Не, Ленок, мы с Матросом, как только ворота на ночь закроем, внутрь ни ногой, ни лапой. Снаружи караулим. Ты, девонька, по ночам тоже не того, не шастай, — сказал сторож и достал пачку «Беломорканала». Почему-то его взволновал мой вопрос. Папа тоже, когда волнуется или нервничает, всегда курит больше, чем обычно. Подул ветерок, донося до меня запах полыни из дяди Витиной корзины. Полынь? Я-то думала, когда корзинку увидела, сторож в своём сарайчике кур держит или кроликов, но они явно полынь не едят. Кивнув головой, побежала догонять своих. Матрос присоединился ко мне. Догнали быстро, Елена Семёновна так и бежала, не спеша, наверное, чтобы мы с непривычки не выдохлись, не пробежав и одного круга.

— Чего тебе от этого уголовника понадобилось? — неодобрительно спросила Катя.

Точно! А я-то думаю, почему сторож показался смутно знакомым. У него ведь все повадки сидельца. Даже бычок держит так же, как мой сосед по подъезду, отсидевший три года. У нас в районе, да и в городе, таких немало. Тех, что постарше, да не одну ходку сделал на зону, у нас каждый ребёнок распознает. Вот с дядей Витей осечка вышла, наверное эффект неожиданности.

— Кать, если бы он по серьёзной статье сидел, к детям не взяли бы, — ответила я.

— Ага, конечно. Это нам тут отдых, а сторожем работать: дыра, дырой. Море желающих, — скептически произнесла Катя.

Она даже остановилась. Мы с Матросом тоже.

— Да, ладно тебе, Кать, нормальный дядька. Я спрашивала, не он ли ночью корпуса проверил, — сказала я.

Мне дядя Витя почему-то внушал доверие. Сидельцы, они ведь тоже разные.

— И? — уточнила Катя.

— Говорит, они с Матросом ночью только снаружи территории дежурят. Правда, Матроска?

Я погладила довольного пса. Надо же, собаки тоже умеют улыбаться. Вот Матрос сейчас точно улыбался, демонстрируя розовый язык и острые белые клыки.

— Девчонки, чего застряли? — спросил Артём, заметивший наше отсутствие и прибежавший за нами. — Хорошо отдыхать, поднажми!

Мы поднажали, но догнали наших только у дальних ворот. Вместе с остальными пробежали мимо пляжа, огороженного сеткой, вдоль ограждающего территорию забора из такой же сетки. С этой стороны памятник оказалось видно лучше, его не загораживали тополя. Завернув за угол, пробежали ещё немного, обогнули остановку и оказались перед центральными воротами.

— Медленно мы сегодня, — сказала Елена Семёновна, ничуть не запыхавшаяся. — На первый раз хватит, а вот завтра готовьтесь. Сможем три круга взять?

— Сможем! — ответили мы нестройным хором.

Матрос побежал на территорию лагеря к пищеблоку. Там водитель лагерного грузовика и дядя Витя разгружали кузов, доставая какие-то коробки и молочные фляги.

Глава восьмая. Операция «Фантик»

Мы действительно потратили на пробежку много времени. Когда вошли в столовую, кое-кто из детей уже закончил завтрак, и дежурные убирали со столов. В этом отряде девчонки Алёнушек в платочках не изображали,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.